

Виталий Орлов

«Свете тихий»

Отцы наши, не хотели принимать в молчании благодать вечернего света, но тотчас, как он наступал, приносили благодарение.

Свт. Василий Великий

Нет, я не буду знаменита.
 Меня не увенчает слава.
 Я — как на сан архимандрита —
 На это не имею права.

— Ты написала?
 — Одоевцева.

Мама Славика была поэтессой. Точнее — поэтом. Когда-то её печатали в толстых журналах. Слегка пожелтевшие, они стояли на полках.

Потом печатать перестали, потому что редакторы — бездари и завистники.

Мама сдавала свою «однушку». На эти деньги они жили в экологически чистой деревне. Им там досталась развалюха от бабушки.

Деревня была пустынной. На одном конце обитал фермер, державший хозяйство. На другом — Славик с мамой. И ещё несколько дачников-пенсов приезжали летом.

Весной много гектаров земли неподалёку выкупили люди из Москвы. Жизнь Славика изменилась. Появились лошади, появилась Варя.

Ему исполнилось семнадцать, здоровьем Бог не обидел, и Варя взяла его на работу. Один конюх с пятью лошадьми не справлялся.

Варя была на год старше, у неё уже имелись права и «Порш», но страсть были не авто, а кони. Славик предполагал, что она не прочла в жизни ни одной книги, кроме брошюр по коневодству.

Он хотя бы кое-что пролистывал из маминой библиотеки. Знал, что его чуть не назвали Райнером в честь поэта Рильке. Но тогда надо было бы записать в свидетельстве: Райнер Мария. Маме показалось, это перебор.

Вряд ли Варя слышала про Рильке. Зато бывала в таких странах, о которых Слава не имел представления. Даже нынешним летом пару раз слетала за границу.

Она была первым человеком, который платил ему деньги. Возможно, небольшие, с её точки зрения, но для Славы — целое богатство.

Тогда он особенно боялся тёток из опеки. Говорили, они сразу лезут в холодильник, смотрят, есть ли йогурт. Если нет, ребёнка забирают.

Он понимал: зайди они к ним — ничего, кроме крепёного вина, не увидят. Мама пила умеренно, но ей нужно было в день хотя бы пару бутылок.

У неё случались и срывы. Тогда доходило до самогона. Такое происходило редко. В основном — если получала письмо из редакции. Последнее время журналы вообще перестали отвечать, поэтому она не выходила из нормы. Ясно, что при таком раскладе денег на йогурты и прочие детские радости не оставалось.

Но тётки пока игнорировали их домишко. Они выбрали другую жертву — приехали к фермеру и забрали сыновей. Девчонок почему-то оставили.

Потом Славика объяснили: кто-то накатал жалобу, будто он использует труд детей. Мальчишки действительно помогли отцу.

После увиденного страх усилился. На первые же деньги Слава купил этих паршивых йогуртов и других продуктов, которые, по его мнению, должны быть в рационе ребёнка.

Соседка-пенсионерка зашла в гости и одобрила ассортимент.

— Только, — подсказала она, — опека и даты на продуктах проверяет.

— Что делать? — спросил Славик.

— Съесть и купить новые.

«Так ведь никакие денег не хватит», — прикинул он.

Слава обедал в школе, ужинал при церкви, где помогал безвозмездно, но за еду. По воскресеньям батюшкина жена давала продукты «с кануна». Тем и питался.

Маме прокормиться было проще. Она всё время сидела в Интернете, сил много не трагилла. Ела в основном сушёных кальмаров и картошку.

Когда появились Варя и её кони, на приходских коров времени уже не осталось. Там взяли помогать бездомного, а Слава приходил лишь изредка.

Большая разница — еда или живые деньги. Деньги нужны на глупости, без которых человек не может жить. Например, компьютерные игры в церкви точно не подарят. Или — хороший дезодорант. Зубную пасту, может, и дадут, а парфюм — вряд ли. Кроме того, человеку надо постоянно класть

на телефон. Или—в город съездить, в кино сходить. Грустно без наличности.

Плюс—Варя. Ему нравилось на неё смотреть. Когда кто-то нравится—не поймёшь почему. Вроде и не красавица, даже грубоватая, да ещё качается гантелями. От этого и фигура коренастая. Но когда на коне, глаз не оторвать.

Волосы густые, рыжие. Могла бы остричь, неудобно с длинными ходить, но тогда образ нарушится.

Слава знал, что «Варвара»—значит «варварская». Точно такими готских всадниц он и представлял.

Конюшню и загородный дом возвели быстро. Будто поместье было всегда здесь.

— Кто он у тебя?—спросил Слава про её отца.

— Обычный предприниматель,—сказала Варя.— Просто они хорошие родители. Понимают, что я—лошадиная фанатка. В Москве, при их средствах, конюшню не завести. А здесь—без проблем. И ты очень кстати попался. Знаешь, кто наш конюх? Бывший режиссёр. Лошадей не любит. Делает только «от» и «до». Ты—не такой. Поедем завтра купать коней?

Она посмотрела в глаза.

— Чего их купать-то?—смутился Слава.—Я их и так каждый день из шланга мою.

— Нет, купать в реке—совсем другое. Приходи завтра пораньше, прокатимся.

Она просунула руку Славе под рубашку, потрогала мышцы. На веранду вышел отец. Варя убрала руку.

— Приду,—сказал Славик и пошёл чистить конюшню.

Работалось ему легко, в голове звучали какие-то песни, неизвестно когда услышанные.

Лето было прохладным, но август и первые дни сентября оказались неестественно жаркими. У Славы, начались занятия в школе, одиннадцатый класс, а Варе надо было в институт, но она всё тянула с отъездом.

Подкатила машина. В ней—два парня и девушка. Слава помог оседлать коней, гости и Варя уехали на прогулку.

Закончив работу, он прикинул, что может сегодня помочь на приходе. От деревни до асфальта километра три. В общем, ерунда. А если пересечь трассу, начнётся посёлок, и там—церковь.

Когда он вошёл, вечерняя служба уже началась. Он никогда не мог выстоять её до конца. Легче машину комбикорма разгрузить.

Но где-то в начале будет песня, которая ему нравилась. «Свете тихий». Пели три человека: Лиза—батюшкина дочка, его жена и учительница из музыкальной школы.

С Лизой он учился в одном классе. Сейчас она была в платке, длинном платье и не походила на ту, что в школе. Послушав, Слава вышел, стараясь

не стучать по каменному полу. Но Лиза всё равно обернулась.

Немного постоял на крыльце. Вечерний свет был действительно тихим. Утешал. Слава подумал, что о нём и поётся в песне.

Коровы с телятами ещё паслись. Он прошёл в хлев, увидел там беспорядок. Бездомный работал из рук вон плохо (если вообще работал), и Лиза, похоже, не справлялась.

Четыре головы скота, иначе на небогатом приходе не проживёшь. Куры, кролики. Конечно, не авгиевы конюшни, но... Он взял лопату и начал работать. После службы придёт Лиза, ей будет полегче.

Вспомнил, как Варвара прикоснулась к его груди, даже потрогал это место. Он почти закончил, когда Лиза пригнала коров. Начала доить. Одна бурёнка сначала не давалась. Слава обнял её за шею, зашептал на ухо какие-то глупости. Корова успокоилась, и молоко пошло. Наверное, правду Варя говорит: у него контакт с животными.

— Английский выучил?—спросила Лиза.

— Нет,—честно ответил он.

— Давай позанимаюсь. Время есть?

— Полно.

Слава прикинул: мама сегодня получает деньги—жильцы переводят на карту. Она сядет на велосипед, поедет в посёлок, где банкомат. Конечно, поддас немного и задержится у друзей.

Лиза налила ему молока. Они пошли в дом. Батюшка уже сидел за компьютером, его жена пекла пироги для воскресной школы. Завтра она будет учить с местными малышами стихи и читать «Детскую Библию». Трудно сказать, доходит ли до них Закон Божий, но пирожки съедят с удовольствием.

Лиза сходила в душ, чтобы смыть запах хлева, переоделась, стала разливать чай. Она была красивая и знала об этом. Одевалась хорошо, или, как сказала одна училка, элегантно. Никаких тебе леопардовых принтов, блёсток и прочих сельских особенностей.

Слава знал, что одежду она и матушка покупают в Москве, в магазинчике секонд-хенда. Он как-то ездил туда вместе с ними.

Налегая на бутерброды, он успевал читать английский текст, совершенно дурацкий, как ему показалось. Грамматику Лиза умела объяснить вполне понятно. Проще, чем в школе.

Они проводили вместе много времени и неплохо знали друг друга. Иногда Славик представлял Лизу своей женой. Конечно, хорошо, что она стройная и умная. Но она бы стала его ломать. Начались бы разговоры: поступи в институт. А зачем?

Бывает, люди думают: кем стать—модельером, инженером, архитектором? Но Слава уже решил, что он хочет для себя.

Он хочет быть слугой.

Самое главное—найти хороших хозяев. А дальше—он не подведёт.

Круто иметь красивую жену—глянул он ещё раз на Лизу. Только такая заставит по струнке ходить.

Она вышла на крыльцо—проводить.

— Спаси Господи. Мне бы за три дня не справиться.

— Да ерунда. Извини, что редко прихожу. Я же работаю теперь.

— Помогаешь коннозаводчице?

— Ну, до завода ещё далеко. Хотя если покрыть кобыл и пойдут жеребята...— оживился Славик.

— Про покрытие кобыл расскажешь завтра.

Она осторожно притронулась к его руке и закрыла дверь.

Ночи в начале сентября уже тёмные. Но ещё тепло.

Слава шёл в деревню по просёлку, с трудом различая дорогу. Фонарей здесь отродясь не бывало.

Издали увидел галогеновый свет. Машина неслась на него, и тот, кто сидел за рулём, похоже, даже не замечал пешехода. По характерной форме фар Слава узнал Варин «Порш». Едва успел отпрыгнуть. Внедорожник пронёсся мимо. Скрипя шинами, с большим заносом вывернул на трассу и полетел в сторону Москвы.

Славик почувствовал, что всё же вымотался. Пошёл медленнее. Мамы, скорее всего, дома нет.

Её и не было. Даже дверь за собой забыла закрыть, так спешила за деньгами. Посуда тоже не вымыта. Он хотел нагреть воду и помыть, но тут же заснул на кухонном диване.

Очнулся под утро. Было душно, и пахло кислой капустой. Тряся головой, он подошёл к газовому котлу—посмотреть, всё ли в порядке.

Котёл горел ровно. Слава вышел во двор. Уже светлело, над рекой поднималось солнце неприятного красного цвета. Они несколько секунд смотрели друг на друга—Славик и выглянувший из тумана день.

Ополоснув лицо в дождевой бочке, он пошёл к лошадям. Вроде договорились на восемь, но лучше прийти заранее.

Калитку открыл конюх-режиссёр.

— Все уехали,—сказал он, глядя в сторону.

— И Варя?

— Я же говорю—все. Отдыхай пока. Я здесь один справлюсь,—он стал теснить Славика за калитку.

— Нет, подожди,—сказал Слава жёстко, по-взрослому.—Расскажи, что случилось.

— Варвара примчалась вечером,—начал говорить конюх.—Проорала родителям: «Еду в аэропорт. Улечу любым рейсом». Схватила сумку—и по газам. Ну а что? «Шенген» есть. Вольная птица.

— С чего бы?

— Ты подожди. Потом—её родители: так и так. Уезжаем. Надолго... Деньги оставили на прокорм—коням и мне. Такие дела. Ты бы, парень, сходил до трассы. Посмотрел, что и как.

Слава кивнул и поплёлся по деревне. Когда вышел на просёлок, его затошнило. Ещё недавно всё было хорошо, не хотелось думать о скверном.

Мама лежала в канаве. И велосипед рядом, как-то дико вывернутый. Почему она не осталась у друзей? Поехала, подвыпившая, домой. Темнота полная. Значит, он вчера прошёл рядом и не заметил. Может, она была ещё жива? Сейчас она, конечно, мёртвая. Мёртвого не спутаешь с живым.

Славик присел на корточки. Тихонько заскулил, погладил плохо покрашенные волосы. Похоже, её сбила машина и отбросила. Пол-лица разбито. Кровь смешалась с креплёным вином, которое она везла.

Рядом остановился фургон, фермер ехал в посёлок.

— Звони куда-нибудь!—раздражённо крикнул он.

— Я не знаю как,—сказал Слава.

— Сто двенадцать, кажется. Ладно, сам позвоню. Ты, смотри, не сотвори с собой ничего!

Он начал дозваниваться и орать на дежурную, объясняя, куда подъехать.

Слава сидел рядом с мамой. Зачем-то трогал велосипед. Ручка руля воткнулась в землю. Славик вытащил её. Там, в глубокой впадине, оказался жук. Он пытался выбраться наружу, но земля осыпалась, и он скатывался назад.

Слава взял стебелёк травы, спустил в углубление. Жук полез по стеблю, выбрался наверх, расправил крылья и улетел.

Подумал: не заберут ли его в детдом? Работы нет. И Вари нет. Вряд ли она скоро вернётся. Конечно, её родители замнут дело. Она не виновата. Возможно, мама сама вильнула под колёса. Но Варя—бросила человека на дороге.

Его тошнило сильнее, и солнце поднималось выше, становясь всё противней. Тем не менее жук выбрался из ямы, вспомнил он.

Лиза, наверное, уже встала и выгнала коров пастись. Он достал телефон, отправил ей эсэмэску: «Мама умерла».

Лиза и полиция приехали почти одновременно. Начались какие-то «следственные действия». Потом—опознание. Слава уже ничего не сообщал. Стал как ватный.

Батюшкина жена, вежливая женщина с железным характером, всё взяла в свои руки. Слава переехал в приходской дом. Маму отпели в церкви, куда она никогда не ходила. Местный бард-алкоголик написал в социальных сетях, что погибла известная поэтесса. На похороны приехали из Москвы—две подружки-писательницы и поэт.

В трапезной накрыли стол. Получились настоящие поминки. С одной стороны сидели Славик, Лиза и её родители. С другой—бард и литераторы из Москвы. Всё происходило прилично,

но довольно натянуто. Напоминало переговоры конфликтующих сторон.

Писатели уже успели выпить на кладбище. — Она была великая. Великая! — выкрикнул московский поэт и заплакал. — Вы не понимаете. Вы — ничего не понимаете! — повторил он, всхлипывая. — Умирает литература.

Несмотря на то, что это прозвучало диковато, Славику стало приятно, что кто-то, хоть и по пьяни, назвал маму великой. — Душно здесь! — пожаловался гость. — И курить нельзя.

Возможно, ему не понравился настоявшийся запах ладана.

Литераторы откланялись. Батюшка повёз их на вокзал.

Славик и Лиза вышли из дома, сели на скамейку под окном. Они молчали и смотрели на закат.

Перед ними цвела деревенская клумба — с гладиолусами, георгинами и золотыми шарами. Коровы паслись за оградой. Наступал вечер. Свет был мирным и не раздражал. Несмотря на боль похорон, было почти хорошо. Казалось, они могут сидеть так сто лет.